

О.А. Аршинцева

**Проблема целей войны в политике правительства
Д. Ллойд Джорджа на рубеже 1916–1917 гг.**

История первой мировой войны как одного из самых значительных событий ушедшего XX столетия привлекает постоянный интерес исследователей. В современной литературе по международным отношениям, наряду с другими характеристиками периода 1914–1918 гг. как кризисного, переходного, часто встречается тезис о кризисе политического сознания и политических институтов западного общества. Однако если английские и американские авторы в исследованиях 80–90-х гг. активно разрабатывают эту тему, то в отечественных работах она, в лучшем случае, присутствует в виде постановки проблемы и уже в силу этой причины является актуальной.

Глобальная тенденция, возобладавшая в международных отношениях к концу XX в., в начале прошлого столетия только зарождалась, и первое столкновение традиционного, «европоцентристского» мышления с новыми мировыми реалиями приобрело в годы первой мировой войны характер кризиса. Очевидно, что в каждой отдельной стране он проявился по-разному – как на уровне формирования внешнеполитических программ, так и в поведении политических институтов. По характеру и ярко выраженному своеобразию политических процессов в годы первой мировой войны Великобритании принадлежит особое место среди стран Запада рассматриваемого периода. Одна из основных держав-участниц войны, она, в силу своего мирового статуса, обретенного в XIX в., проводила внешнюю политику на основе глобальной – в тех условиях – доктрины имперской безопасности, потенциальная угроза которой со стороны Германии и привела Великобританию в Антанту. Важнейшей составной частью британского политического опыта XIX столетия была значительная гибкость и одновременная устойчивость политических институтов, сочетавших либерально-демократические и имперские начала. Первая мировая война предъявила британской политической традиции своего рода вызов.

Вступив в войну в составе блока держав, Англия впервые после долгого исторического перерыва приняла участие в военных действиях на континенте. Это в корне изменило характер отношений с союзниками и нейтраль-

ными странами и заставило британских политиков по-новому взглянуть на европейские интересы своей страны. С другой стороны, мировой характер войны означал для Англии активное участие в ней ее доминионов, что повлекло за собой постепенный пересмотр принципов и содержания имперской политики. С началом войны новую роль для Англии приобрели и отношения с США, американский, шире – трансатлантический фактор придал новый аспект британским мировым геополитическим и экономическим интересам. И, наконец, война активизировала политический процесс в стране: перегруппировка политических сил получила дополнительное ускорение, началась заметная институциональная перестройка. Следует подчеркнуть, что в течение первых двух лет войны указанные процессы проявлялись в виде тенденций, а с конца 1916 г. они приобрели вполне заверченный и глубокий характер.

Общепризнанно, что переломным событием стали политический кризис и приход к власти правительства Д. Ллойд Джорджа в декабре 1916 г. Именно ему было суждено «выиграть войну» для Англии и, перефразируя название известной книги Г. Никольсона, «сделать мир в 1919 году». Не случайно история обеих коалиций Ллойд Джорджа (1916–1918 и 1918–1922 гг.) и его личность являются объектами незатухающего интереса английских исследователей, начало которому положили ставшие классикой работы А. Тейлора. Традицию продолжили К. Морган в 70–80-х гг., Дж. Тернер, Д. Френч, Э. Голдштейн – в 90-х [1–4]. При разнице подходов и оценок все авторы сходятся в признании исключительной роли и новаторского характера военного кабинета Ллойд Джорджа.

Основные контуры политической программы нового правительства оформились уже в первый месяц его пребывания у власти. Проблемы войны оставались абсолютным приоритетом в его политике, но в отличие от предшественников Ллойд Джордж и его коллеги отстаивали новую концепцию ведения войны «до победного конца». Эта идея, публично провозглашенная Ллойд Джорджем в нашумевшем интервью в сентябре 1916 г., стала главным

лозунгом, с которым он пришел к власти. Суть этой радикальной военной концепции заключалась в более эффективном ведении войны, что, в свою очередь, требовало более решительного и целеустремленного руководства. Этой цели служила персональная и структурная реорганизация правительства: собственно военный кабинет из пяти членов включал, наряду с премьер-министром, влиятельных консерваторов Милнера и Керзона; Э. Грея на посту министра иностранных дел сменил более склонный к компромиссу А. Бальфур, а Форин офис постепенно отошел на второй план, уступив первые роли в подготовке внешнеполитических решений секретариату и ближайшим советникам премьер-министра; и, наконец, правительство попыталось усилить политическое вмешательство в вопросы военной стратегии.

Правительство Ллойд Джорджа, заявив с самого начала пребывания у власти о намерении вести войну до победы, оказалось перед лицом сложной проблемы. Как известно, 12 декабря 1916 г. Германия устами рейхсканцлера Т. Бетман-Гольвега объявила о готовности центральных держав немедленно начать мирные переговоры со своими противниками. Примечательно, что приход к власти в Англии правительства Ллойд Джорджа с новой военной концепцией и германская инициатива, которую большинство исследователей оценивают как заявление с позиций силы, а не искреннее стремление к миру, совпали по времени, и это вряд ли было случайным. Скорее это совпадение отразило разное восприятие основными противниками результатов кампании 1916 г. Историкам ясно, что она стала началом перелома в войне, но для воюющих сторон он не был очевиден. Самые кровопролитные и масштабные за всю войну сражения 1916 г. на суше и море не привели к явному перевесу ни одной из воюющих сторон; не сыграли своей роли и настойчивые посреднические усилия американского президента В. Вильсона, предпринимаемые им с начала войны. Противники были полны решимости продолжать войну, единственное различие между ними заключалось в дипломатической тактике, с помощью которой они отстаивали свои позиции. В случае Германии «мирные» по форме предложения сопровождались, как оказалось, серьезными территориальными требованиями в Европе и за ее пределами, которые сводили на нет германское «миролюбие». Действия Германии разочаровали Вильсона: немцы «перехватили» инициативу, с которой президент планировал выступить после выборов 1916 г., и таким об-

разом продемонстрировали, что утратили интерес к его миротворческим усилиям. С некоторым запозданием 18 декабря 1916 г. Вильсон обратился ко всем воюющим державам с требованием определить свои конкретные цели в войне с тем, чтобы «стало возможным их непредвзятое сравнение» [5, с. 84].

Взятая отдельно, без последующего выступления Вильсона, германская нота вряд ли вызвала бы в Лондоне серьезную озабоченность, однако игнорировать обращение президента, особенно в свете возросшей роли отношений с США, английская сторона не могла.

Реакция Англии и ее союзников по Антанте на германскую ноту была негативной, однако с английской стороны возникли серьезные опасения, что резкий по тону ответ вызовет недовольство в Вашингтоне, а это нежелательно, особенно в условиях постоянно растущей финансовой зависимости Англии от США. Доклады на эту тему с осени 1916 г. регулярно поступали из Казначейства и Форин офиса сначала правительству Асквита, затем Ллойд Джорджа [3, с. 569–571]. Английских чиновников тревожило, что Конгресс в сентябре 1916 г. наделил Вильсона полномочиями прерывать экономические отношения с воюющими странами, и президент мог воспользоваться этим для давления на них в пользу мирных переговоров. Кроме того, до выступления Вильсона 18 декабря 1916 г. Ллойд Джордж получал полуофициальные сообщения о том, что германская нота является результатом американских усилий, а Вильсон заинтересован в скорейшем начале мирных переговоров до того, как Германия возобновит неограниченную подводную войну. Сам премьер-министр был убежден, что на позицию президента оказывают влияние прогермански настроенные круги, которые финансировали его избирательную кампанию [4, с. 61–62]. Примечательно, что германские руководители, со своей стороны, были уверены, что американская нота готовилась в тесном сотрудничестве с Англией [6, с. 85].

Оценивая воздействие двух мирных инициатив на Англию, следует подчеркнуть, что не германская нота, а выступление Вильсона заставило кабинет Ллойд Джорджа начать обсуждение целей, преследуемых Англией в войне. Это не вполне соответствовало английским намерениям в тот момент – правительство стремилось избегать публичных и конкретных заявлений о целях, к тому же оно не питало иллюзий относительно просюзнических настроений Вильсона, поэтому необхо-

дима была особая изобретательность в формулировках, коль скоро пришлось это делать.

Р. Сесиль, парламентский заместитель Бальфура и весьма влиятельная фигура в правительственных кругах, в своем меморандуме от 22 декабря 1916 г. предлагал остановиться только на двух пунктах: возвращение Эльзас-Лотарингии Франции и решение турецкого вопроса [5, с. 578–581]. Окончательные варианты ответов были приняты на англо-французской встрече в Лондоне 26–28 декабря 1916 г. Вопреки намерениям французов английская сторона настояла на том, чтобы ответ Германии был предельно коротким (Франция полагала, что обширные цели покажут противнику неустранимость союзников и их стремление к окончательной победе), а ответная нота США – более детальной, что соответствовало бы американским ожиданиям. Чтобы не будоражить общественное мнение своей страны напрасными надеждами на близкие мирные переговоры, англичане хотели создать впечатление, что ведущая роль в этом выступлении союзников принадлежит Франции, хотя в основе всех ответных нот лежал проект Сесилия, поддержанный Бальфуром. Ответ, доставленный в США 10 января 1917 г., предусматривал восстановление независимости Бельгии и Сербии, освобождение оккупированных территорий Франции, России и Румынии с возмещением нанесенного ущерба, освобождение угнетенных народов Австро-Венгрии и Турции. Так, по английской инициативе впервые был официально сформулирован принцип национального самоопределения в целях союзников. Бальфур, озабоченный укреплением англо-американских отношений и полагавший, что они должны быть доверительными, получил согласие французов на составление дополнения к ноте, направленной в Вашингтон. В этом документе он аргументировал необходимость полной победы над Германией и ее союзниками, подчеркивая, что только так можно будет предотвратить агрессию и обеспечить основу для принятия международных санкций против нее [7, с. 64–65]. Таким образом он попытался соединить победу как главную британскую цель с близкой Вильсону идеей создания особой международной организации для предотвращения войн, которая уже обсуждалась в англо-американских переговорах прежде.

По контрасту с ответом союзников германская нота от 27 декабря 1916 г. была составлена в категоричных выражениях и отвергала перспективу переговоров при посредничестве

США. Начатый нотой от 12 декабря процесс американо-германского охлаждения завершился окончательным разрывом. Непримируемость немцев в вопросе урегулирования, наряду с возобновлением подводной войны в феврале 1917 г., стала одним из факторов вступления США в войну на стороне Антанты. Союзники оказались в выигрыше, в немалой степени благодаря продуманной дипломатической тактике английской стороны.

Обсуждение целей войны на рубеже 1916–1917 гг. в связи с подготовкой ответов на германскую и американскую ноты показало, что позиция правительства Ллойда Джорджа строится на двух основных принципах.

Во-первых, безусловное продолжение войны. Хотя в стенах Форин-офиса обсуждались варианты развития событий, при которых союзники могут соблазниться предложениями Германии о переговорах, наверху, в правительстве эти разработки не принимались в расчет. В этой главной, политической линии, а не на уровне деталей с первых дней проявилась руководящая роль Ллойда Джорджа.

Во-вторых, отказ от точных формулировок целей войны. Это создавало простор для дипломатических маневров, облегчало отстаивание британских интересов в двусторонних и межсоюзнических отношениях, позволяло манипулировать общественным мнением, от которого политика правительства внешне все сильнее зависела. Нельзя не заметить определенную традиционность этого принципа для британской внешней политики периода «блестящей изоляции», который, однако, нашел свое применение в новых условиях британского участия в войне. Ллойд Джорджа принято считать политическим лидером нового типа, но он быстро овладел этим традиционным приемом, применив его уже весной 1917 г. в работе имперского военного кабинета. Расплывчато сформулированные цели войны позволили его правительству начать обсуждение территориальных, колониальных проблем и вопросов имперской обороны с представителями доминионов, не ограничивая при этом собственную свободу рук и создавая основу для компромисса между европейскими и глобальными интересами Великобритании в будущем мирном урегулировании. Обсуждение целей войны на заседаниях имперского кабинета в марте–апреле 1917 г. стало следующим этапом в подготовке британской программы.

Оформление указанных принципов в процессе принятия первого варианта британских

военных целей свидетельствует о заметной эволюции британского политического истеблишмента в указанный период, признаком кото-

рой является, на наш взгляд, сложное сочетание традиций и новаций во внешнеполитической стратегии и тактике.

Литература

1. Morgan K.O. The age of Lloyd George. The liberal party and British politics, 1890–1929. London, 1971.

2. Turner J. British politics and the Great War. London, 1992.

3. French D. British strategy and war aims 1914–1916. London, 1991.

4. Goldstein E. Winning peace. British diplomatic strategy, peace planning and Paris peace conference, 1916–1920. Oxford, 1991.

5. Шацилло В.К. Президент Вильсон: от посредничества к войне. 1914–1917 гг. // Новая и новейшая история. 1993. №6.

6. Lowe R.J., Docrill M.Z. The mirage of power. London, 1972. Vol. 3.

7. Rothwell V.H. British war aims and peace diplomacy. 1914–1918. Oxford, 1971.